

Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина

РУССКАЯ НАСЛЕДНИЦА ПЕСТАЛОЦЦИ:
ЕЛЕНА АНТИПОВА (1892–1974) И ЕЕ УЧИТЕЛЯ*

В интеллектуальной истории России XVIII–XX столетий Швейцария занимает особое и своеобразное место. Преобразовательная деятельность Петра I стимулировала процесс внутренней колонизации Российской империи и тем самым открыла для европейского академического сообщества значительные перспективы расширения научных исследований на евразийском пространстве и профессионального карьерного роста в новых институциях на востоке. Швейцарские специалисты одними из первых откликнулись на приглашение российской власти и развернули обширную научную и образовательную практику в России. Они стояли у истоков создания Императорской академии наук в Санкт-Петербурге и способствовали ее вхождению в европейское научное сообщество (Я. Германн, братья Бернулли, Л. Эйлер и др.). Даже «запустив» новый научный проект, многие из них не покидали Россию, а напротив, продолжали работать в стране, прорастая в ней научными династиями, семейными и профессиональными связями.

С началом XIX в. в этом, поначалу элитарном, интеллектуальном диалоге европейского Просвещения с русским абсолютизмом на повестке дня появилась новая тема — идея демократизации формировавшегося образовательного пространства Российской империи. Напомним, что к тому времени в России уже существовало пять университетов, в каждом губернском центре предполагалось открыть гимназии и даже функционировало Министерство *народного* просвещения, однако полностью отсутствовала какая бы то ни было система светской начальной школы, и население империи поголовно оставалось неграмотным. Образование как институт приходило в страну «сверху», через инициативы просвещенной и не очень власти и элиты. Вот почему такое существенное значение для развития именно народного образования имело недолгое, но оставившее заметный след в истории российской педагогики общение императора Александра I (1777–1825) со швейцарским педагогом и просветителем Иоганном Генрихом Песталоцци (Pestalozzi; 1746–1827).

Интерес к личности Песталоцци и его новациям в области реформирования школьного образования возник в России в начальный период Александровского правления, когда группа «молодых друзей» императора планировала и проводи-

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-06-10221, которому авторы выражают признательность за поддержку.

ла ряд либеральных реформ [Ротенберг, Шабаева 1960, с. 131; Андреев 2010]. В духе идей Жан-Жака Руссо (Rousseau; 1712–1778) Песталоцци считал важнейшей целью школьного обучения развитие природных способностей детей, а также настаивал на расширении образовательной сферы за счет обязательности и бесплатности начальной школы. Другой швейцарец, бывший воспитатель императора Александра I, Фредерик Лагарп (Laharpe; 1754–1838), активно продвигали педагогические идеи и практики Песталоцци при российском Дворе. Специально для Александра I Песталоцци написал памятную записку с изложением своих взглядов на начальное образование [Ротенберг, Шабаева 1960, с. 119–120]. И хотя до сих пор неизвестно, был ли знаком император с этим текстом, осенью 1804 г. Песталоцци пригласили в Россию и дали зеленый свет публикации его трудов и знакомству русского читателя с идеями и практиками неутомимого швейцарца. Уже с 1806 г. работы Песталоцци печатались на русском языке, а в 1819 г. вышло первое русскоязычное собрание его сочинений, в дальнейшем многократно переиздававшееся.

Несомненно, педагогические новации Песталоцци были слишком авангардны для крепостной Александровской России. Тем не менее покровительство российского монарха изданию трудов швейцарца в России объективно способствовало формированию и поддержанию устойчивого канала распространения идеи «образования для всех». Эта идея, первоначально созвучная настроениям немногочисленной образованной части российского общества, была, однако, достаточно быстро востребована и развита в сочинениях и практиках ряда русских педагогов и общественных деятелей (прежде всего К.Д. Ушинского (1824–1870/71), прошедшего несколько лет в Швейцарии [Ушинский 2002; Ушинский 2002а] и после этого создавшего свою «Педагогическую антропологию» — первый труд отечественного автора по педагогической психологии). Параллельно, через обучение российских студентов в европейских университетах, издание переводов научных работ зарубежных специалистов и интенсивное личное профессиональное общение, в российскую общественную мысль и практику всё шире проникали современные времени интеллектуальные потоки. Постепенно они формировали европейское в своих базовых идеях, многоуровневое и мультикомпонентное образовательное пространство Российской империи.

В XIX в. образ Швейцарии в России как источника новых образовательных, научных и просветительских парадигм был дополнен еще одним важным социальным компонентом — представлением о свободе и правах человеческой личности. Носителями и трансляторами этих воззрений были прежде всего российские политические эмигранты (от Александра Герцена до социалистов всех направлений и либералов), создавшие в Швейцарии оппозиционную российскому самодержавию мощную и влиятельную политическую диаспору. Однако альпийская республика играла роль «убежища» не только для политических противников имперского режима, но и для широкого спектра критически мыслящей российской научной интеллигенции — от интеллектуальной элиты до студенчества. Швейцария, предоставлявшая большие возможности для самореализации и научного творчества, привлекала многих российских ученых и может быть названа

одним из первых центров российского научного зарубежья XIX–XX вв. Здесь жил и работал известный географ и этнограф Лев Ильич Мечников (1838–1888); великий микробиолог Владимир Аронович Хавкин (1860–1930), подаривший миру вакцины против чумы и холеры, много лет провел в Лозанне. В Женеве учился и преподавал известный филолог и лингвист Сергей Иосифович Карцевский (1884–1955). Заметное место среди российских ученых-эмигрантов занимали и представители новой для XIX в. комплексной научной дисциплины о человеке — психологии. Выдающийся невропатолог и нейропсихолог Константин Иванович фон Монаков (1853–1930) стал основателем Института изучения мозга в Цюрихе и Швейцарского неврологического общества, первым профессором неврологии в Швейцарии и первым редактором журнала «Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie». Там же, в Цюрихе, профессорствовал физиолог и психолог Виктор Алексеевич Анри (1872–1940) [Масоликова, Сорокина 2010; Сорокина 2010; Сорокина 2011].

Благодаря низкой стоимости жизни Швейцария, наряду с Германией, со второй половины XIX в. стала своего рода «академической Меккой» и для российских студентов. Количество подданных Российской империи, обучавшихся в ведущих швейцарских университетах в начале XX в. (Базельском, Цюрихском, Бернском, Лозаннском и Женевском), достигало 40 % общего количества студентов, а в университетах Лозанны и Женевы «русских» училось даже больше, чем местных¹. Особенно привлекательной университетская Швейцария была для девушек. Сюда, в единственную европейскую страну, где женщины учились в высших учебных заведениях наравне с мужчинами, массово уезжали интеллектуально мотивированные российские девушки, не имевшие возможности получить полноценное высшее образование на родине [Bühler et al. 1985, S. 2; Ziegler, Tikhonov 2005; Tikhonov 2005]. Со временем многие российские выпускницы швейцарских университетов становились известными специалистами в своей научной области, занимали ведущие позиции в науке и образовании и создавали тот «невидимый женский колледж» (invisible college), который активно распространял свое влияние в научном мире и общественной жизни Европы, Швейцарии и России на протяжении всего XX в. Так, физиолог и биохимик Лина Соломоновна Штерн (1878–1968) стала первой женщиной — профессором Женевского университета, после возвращения в СССР в 1920-е гг. она оказалась первой женщиной, избранной действительным членом Академии наук СССР (1939). Бактериолог Лидия Львовна Рабинович-Кемпнер (1871–1935), выпускница Цюрихского и Бернского университетов, многие годы ассистировала Нобелевскому лауреату, первооткрывателю возбудителя туберкулеза профессору Р. Коху в Берлине и стала первой женщиной-профессором в Пруссии. Именем философа и историка философии Анны Павловны Ту-

¹ Когда арестованные в 1906 г. за революционную деятельность студенты Московского университета братья Каменецкие были освобождены по личному распоряжению министра внутренних дел П.А. Столыпина, ответившего на ходатайство профессора В.И. Вернадского, они немедленно уехали в Швейцарию и вскоре сообщали: «Русских здесь масса. В расстоянии $\frac{3}{4}$ часа ходьбы от нас, в Обергофене, оказались Игнатовы, Кржеминские, — не говоря уже о массе незнакомых и полужакоемых соотечественников» [Сорокина 2012, с. 357].

маркиной (1875–1951), первой в Европе женщины — преподавателя философии, а в дальнейшем и профессора Бернского университета, названа одна из улиц в столице Швейцарии.

Можно было бы и дальше перечислять имена сотен российских научных специалистов, обстоятельствами учебы или эмиграции связанных со Швейцарией. Роль и место зарубежных научных и образовательных центров в подготовке национальных научных кадров, а также значение международных научных связей как одного из важнейших инструментов становления национальных дисциплинарных сообществ и их институтов — по-прежнему актуальная проблема науковедческой историографии. Влияние этих связей, зачастую возникших еще в студенческие годы, было и остается тем более велико, что глобализация научного и образовательных пространств в общем контексте интенсификации миграций научных специалистов в XX в. привели к масштабному возникновению транснациональных научных проектов и сообществ ученых. Пионерами в данном процессе стали ученые-мигранты — эмигранты, беженцы, «возвращенцы» и «невозвращенцы». Они выполняли функцию гемоглобина в научном мире, являясь переносчиком и транслятором новых знаний, подходов и технологий, а также активным коммуникатором между различными властными, профессиональными, политическими и этническими сообществами.

Опыт российских научных специалистов в Швейцарии особенно интересен в этом отношении. Если до 1917 г. страна была одним из крупнейших центров российской диаспоры, то в 1920–1930-е гг. она оказалась на периферии русского эмигрантского мира. Несмотря на то, что до 1946 г. Швейцария не имела дипломатических отношений с СССР, здесь осталось совсем мало, а прибывало еще меньше российских эмигрантов, концентрация беженских проблем казалась минимальной и, за исключением церкви, почти не было традиционных эмигрантских институтов. В то же время в Швейцарии располагалось множество международных организаций (в том числе Лига наций, Верховный комиссариат по делам русских беженцев и др.) и велся постоянный, скрытый и явный, диалог по всему спектру самых дискуссионных мировых проблем. В этой атмосфере переговорной толерантности и в русской Швейцарии межвоенного периода на первый план стали выходить не политэмигранты, а интеллектуалы, благодаря персональным связям создававшие новые общественные и научные институции как принципиально транснациональные проекты, нередко перераставшие в обширные международные научные сообщества. Так, например, известный русский дореволюционный политэмигрант, книговед и библиопсихолог Николай Александрович Рубакин (1862–1946) позиционировал свою уникальную библиотеку в Лозанне в 1920-е гг. как независимую международную площадку для свободного общения представителей различных политических взглядов и одновременно как стартап для создания славистических центров по всему миру.

Судьба другого психолога и организатора образования, русской эмигрантки Елены Владимировны Антиповой (1892–1974) — Hélène Antipoff — в Швейцарии и Бразилии, еще более выразительно демонстрирует, как синтез различных европейских научных и образовательных традиций (русской, швейцарской,

французской и др.) инициировал формирование и развитие новой научной и образовательной парадигмы в другом полушарии Земли — на южноамериканском континенте, в Бразилии [Campos 2010; Campos 2012; Campos 2012a; Масоликова 2010; Образование для всех 2014; Масоликова 2014; Масоликова 2015; Масоликова, Сорокина 2015].

Вынужденная покинуть СССР в 1924 г. вслед за высланным ОГПУ в 1922 г. мужем, писателем Виктором Ирецким (1882–1936) (см.: [Русские писатели 1992]), Е.В. Антипова оказалась едва ли не единственным «советским» психологом², эмигрировавшим уже в годы НЭПа. Получив до революции чисто западное (европейское) психологическое образование, она успела до отъезда ПРОФЕССИОНАЛЬНО поработать в очень актуальных для того времени психологических дисциплинах — педологии и тестологии. В отличие от многих эмигрантов, приехав в Швейцарию в 1926 г., Е.В. Антипова сразу была приглашена на временную позицию научного сотрудника одного из ведущих мировых психолого-педагогического центров исследований детства — Института Руссо в Женеве. Однако через несколько лет, в 1929 г., в поисках профессиональной занятости в условиях меняющейся европейской среды она отправилась в Бразилию, которая, проводя в это время образовательную реформу, открывала окно широких возможностей для многих специалистов.

В тот момент еще никто не мог предположить, что недавняя жительница Санкт-Петербурга останется в далекой южной стране навсегда, что благодаря ее усилиям тысячи бразильских учителей, врачей и психологов овладеют современными профессиональными знаниями в области коррекционной педагогики и психологии, а на место биомедицинской модели лечения «дефективных» и «умственно отсталых» придет гуманистическая парадигма обучающего развития и поддержки «людей с исключительными способностями». Небольшое, казалось бы, изменение терминологии в реальности означало настоящий переворот в представлениях и отношении бразильского общества к «особенным». Переворот, который во многом стал возможен в результате активной деятельности созданного и возглавлявшегося Е.В. Антиповой с 1932 г. Общества Песталоцци, энергично работающего и в настоящее время.

Наследница идей великого швейцарского гуманиста о развивающем обучении и поддержке социально-незащищенных слоев населения, прежде всего детей, Е.В. Антипова не только предложила обществу свой личный педологический проект, но сумела воплотить его, добившись создания в 1940 г. в городке Ибирите (недалеко от г. Белу-Оризонти) интегративного образовательного комплекса — «Фазенда до Розарио». Здесь, на вполне рациональных научных началах, оказалась реализована русская социальная утопия — мечта о таком лучшем, а главное, справедливом устройстве общества, при котором все его члены имеют равные возможности для своего развития и благоденствия. «Фазенда до Розарио» была и остается по сей день огромной светской образовательной общиной, пространство которой открыто для всех типов человеческой нестандартности. В знак благодарности бразильцы поставили русскому психологу памятник — единственный в

² То есть психологом, жившим и работавшим в советский период истории России.

этой стране и во всей Латинской Америке памятник женщине-ученому, создали ее мемориальный музей, назвали именем Е.В. Антиповой университетскую кафедру и тщательно изучают ее научное наследие.

Биография Елены Владимировны, ее научная, научно-организационная и общественная деятельность в Швейцарии и Бразилии привлекали и привлекают значительное внимание историков науки разных стран, которые рассматривают их в разных контекстах — от истории психологии, гендерной истории до проблематики прав человека. Между тем на родине имя Е.В. Антиповой еще недавно было почти неизвестно. Публикация ее писем в «Ежегоднике Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» [Масоликова 2010], а затем Международный научный коллоквиум, состоявшийся в июне 2012 г. [Масоликова, Сорокина 2013; Образование для всех 2014], впервые широко поведали о незаурядной личности и огромном вкладе нашей соотечественницы в развитие глобального психолого-педагогического и образовательного пространства [Масоликова, Сорокина 2013; Образование для всех 2014]. Всего за три года имя Е.В. Антиповой из безвестности попало в список «Ста великих русских эмигрантов» [Бондаренко, Честнова 2012].

Тем не менее еще очень многое в научной биографии Елены Владимировны остается непроясненным, и прежде всего ее «русские годы», с которыми связано становление научных и общественных взглядов выдающегося ученого. До сих пор единственным источником по этому периоду жизни Е.В. Антиповой оставались беллетризованные воспоминания ее сына, Даниила Викторовича Ирецкого-Антипова (1919–2005), который в силу возраста не мог быть непосредственным участником событий и, по-видимому, передавал полученные от матери сведения, а в некоторых случаях домысливал их [Antipoff 1996]. Настоящая статья вводит в научный оборот новый фактический материал из российских и бразильских архивов, позволяющий наметить траектории персональных, социальных и институциональных связей и практик, формировавших личную и профессиональную биографию Е.В. Антиповой и мотивировавших ее участие в транснациональных научных сообществах.

ЛЮДИ И ИНСТИТУТЫ

В судьбе каждого ученого бывают реперные точки, которые незаметно для самого человека определяют его будущее на многие годы вперед. В жизни Е.В. Антиповой таким знаковым локусом стала Женева. Юная Нелли (домашнее имя Елены Владимировны) попала сюда почти случайно: в мае 1910 г. она окончила Таганцевскую женскую гимназию в Петербурге, а в 1911 г. приехала во Францию учиться медицине в парижской Сорбонне — казалось, ее студенческие годы пойдут по традиционной университетской колее.

Однако в Париже Елена Антипова попала в «пекло творения» новой психолого-педагогической науки и ее экспериментально-прикладных направлений, вызванных насущными потребностями общества. В это время европейская, и

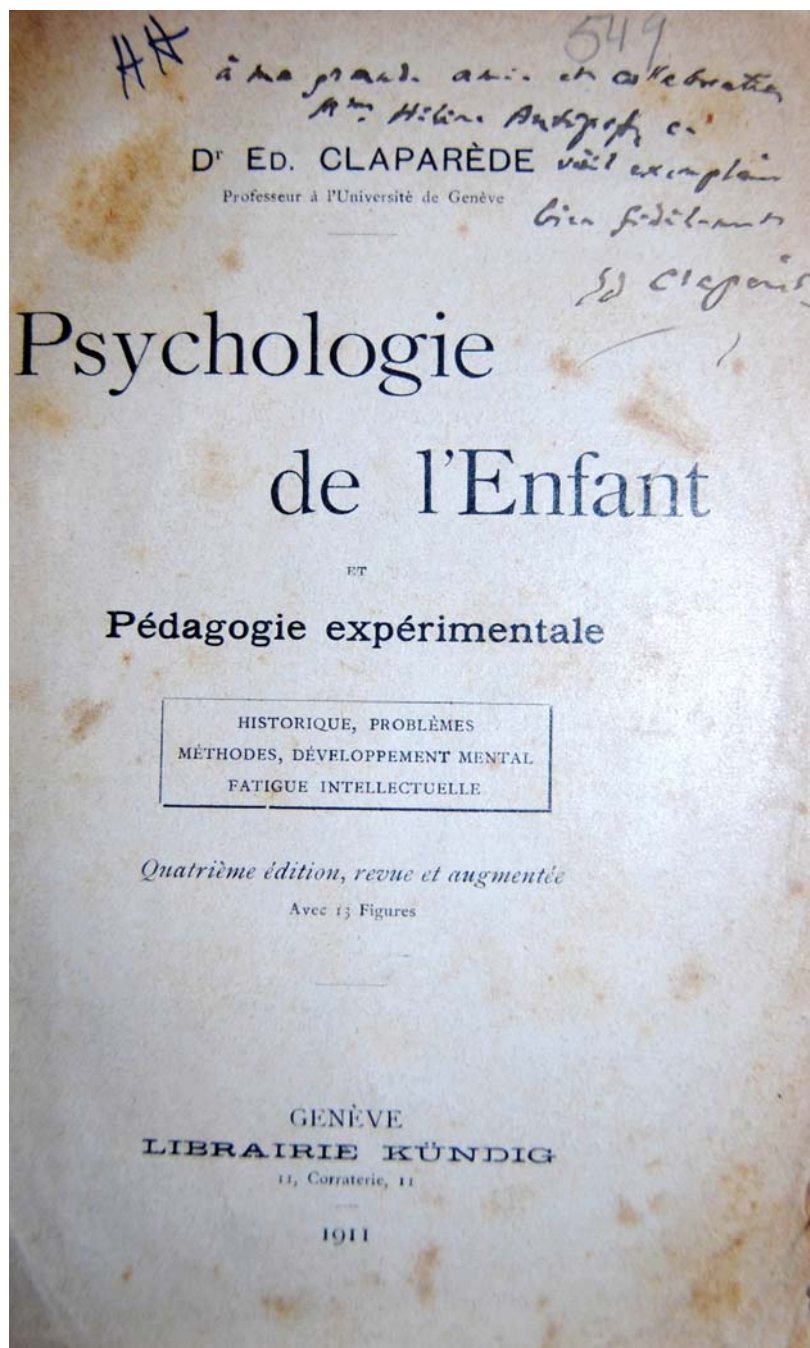
прежде всего французская, системы образования переживали серьезную трансформацию в связи с введением обязательного **среднего** школьного образования для детей в возрасте до 14 лет (напомним, в России законопроект о всеобщем **начальном** образовании только начали рассматривать в 1907 г.). С точки зрения перспективы массового обучения исчерпанность старых педагогических подходов была очевидна как для школьных администраторов и педагогов, так и для многих родителей. А вот на какой основе строить новую массовую школу, с помощью каких средств создавать возможности для самореализации каждого ребенка и стимулировать его обучение, долгое время оставалось дискуссионным вопросом для научной и педагогической общественности.

Концепция «активной школы» (*école active*), в основе которой лежала идея развивающего обучения — развития интеллекта и творческих способностей учащихся через самостоятельный поиск решений незнакомых проблем, стала одним из важнейших оснований европейской образовательной реформы. Ее сторонниками и проводниками были швейцарские педагоги и психологи Адольф Феррьер (*Ferrière*; 1879–1960) и Пьер Бове (*Bovet*; 1878–1965), а также профессор Женевского университета Эдуард Клапаред (*Claparède*; 1873–1940).

Медик по образованию, Клапаред происходил из очень известной и знатной женеvской семьи. Окончив Женевский университет в 1897 г., он стажировался в парижском госпитале Сальпетриер, а в 1901 г. совместно со своим кузеном Теодором Флурнуа (*Flournoy*; 1854–1920) основал журнал «*Archives de Psychologie*». В эти годы Клапаред сотрудничал с женеvской лабораторией экспериментальной психологии, став затем ее директором. С 1908 г. Эдуард Клапаред экстраординарный, а с 1915 г. ординарный профессор экспериментальной психологии Женевского университета. Он занимал многие важные позиции и в международном психологическом сообществе, возглавляя ряд международных комитетов по проведению различных психологических конгрессов. Человек большой энергии и авторитета, сторонник экспериментальной психологии, функционального образования и применения психологии образования, профессор Клапаред был широко известен своими работами в области детской психологии и экспериментальной педагогики, которые многократно переиздавались на различных языках.

Создаваемый им и его швейцарскими коллегами в 1911–1912 гг. новый институт педагогических наук — Институт Руссо (*École des Sciences de l'Éducation*) — рождался в бурных дебатах, но быстро стал одним из ведущих в Европе центров исследований в области образования и экспериментальной психологии и предлагал свое теоретическое и экспериментальное обеспечение для развития методов «активной школы» [Bovet 1932]. Имевший статус одновременно независимого исследовательского центра и учебного заведения, институт финансировался из частных средств, и не в последнюю очередь поэтому смело использовал самые современные методы обучения. В его учебный план были включены лекции по таким новым для своего времени дисциплинам, как психопатология младенчества, евгеника, психоанализ.

В поисках студентов и сотрудников для института профессор Э. Клапаред приехал и в Психологическую лабораторию Сорбонны, где Альфред Бине (*Binet*;

Дарственная надпись Э. Клапареда Е.В. Антиповой
на его монографии «Детская психология». <1913–1914 гг.>
Публикуется впервые. Архив Е.В. Антиповой. Белу-Оризонти, Бразилия

1857–1911) уже давно занимался разработкой методов измерения интеллекта ребенка. Совместно с Теодором Симоном (Simon; 1873–1961) он предложил шкалу для определения уровня интеллекта, получившую столь широкое практическое применение, что ее нередко относят к важнейшим изобретениям XX столетия. Лаборатория Бине привлекала исследователей со всего мира, и Елена Антипова успела поработать в ней в 1911–1912 гг., участвуя в исследовании по проверке точности измерения интеллектуального развития парижских школьников на основе «шкалы Бине–Симона». Именно здесь ее представили женевскому мэтру как подающую большие надежды студентку.

Влияние новаторских взглядов и подходов Э. Клапареда, да и самой личности швейцарского профессора оказались столь велики, что в сентябре 1912 г. Е.В. Антипова переехала учиться в Женеву. Фокус интересов русской студентки сместился от изучения проблем патологии тела к исследованию возможностей человеческого интеллекта, от медицины — к экспериментальной психологии и тесно связанной с ней социальной инженерии. Встреча с Э. Клапаредом оказалась судьбоносной для Антиповой, а сотрудничество с ним — важнейшим исходным моментом в становлении профессиональных взглядов на интеллект и обучение. С этого момента в лице швейцарского ученого Елена Антипова на всю жизнь обрела научного патрона, учителя, коллегу и друга.

Стоит отметить, что в эти годы жизнь и деятельность не только Э. Клапареда, но и всего Института Руссо, были тесно связаны с Россией и российскими специалистами. Супруга профессора Елена имела российские корни: ее отец, известный философ-неокантианец Африкан Александрович Спир (Шпир; 1837–1890), был уроженцем Херсонской губернии, участником Крымской войны. С институтом сотрудничали психотехник Лев Густавович Вальтер (1889–1963), психоаналитики Сабина Николаевна Шпильрейн (1885–1942) и Татьяна Конрадовна Розенталь (1884–1921), а также упомянутый выше книговед и библиопсихолог Н.А. Рубакин. Сам Эдуард Клапаред хорошо знал и внимательно следил за российской психологической и особенно педологической мыслью и экспериментальными исследованиями. Еще в 1905 г. в своей книге «Психология ребенка и экспериментальная педагогика» («Psychologie de l'enfant et pédagogie expérimentale») он ссылаясь на результаты, полученные в российских психолого-педагогических лабораториях, и прежде всего на работы известного петербургского психолога Александра Петровича Нечаева (1870–1948) [Leopoldoff 2014, p. 189]. На русском языке эта основополагающая монография Э. Клапареда была опубликована в 1911 г. в Петербурге (перевод Д.Ф. Кацарова), а уже в 1920-е гг. в СССР были изданы и другие работы профессора — «Профорентация» («L'orientation professionnelle», 1922) и руководство «Как диагностировать способности школьников» («Comment diagnostiquer les aptitudes chez les écoliers», 1924)³.

Известный своими демократическими убеждениями, Э. Клапаред поддерживал русских политэмигрантов в Женеве и неоднократно участвовал в их акциях⁴.

³ О связях Клапареда с СССР см.: [Fayet 2014, p. 141, 220].

⁴ См. статью Ш. Риндлисабахера в настоящем издании.

*Дом, в котором Е.В. Антипова жила в Женеве в 1913–1914 г.
Фото М.Ю. Сорокиной*

Он пригласил в Институт Руссо одного из них — друга, последователя и биографа Льва Толстого Павла Ивановича Бирюкова (1860–1931), который преподавал здесь в годы учебы Е.В. Антиповой (1912/13). В отличие от российских университетов женевский институт с момента основания был международным образовательным центром — интернациональный состав студентов, преподавателей и исследователей закладывался принципиальной особенностью его устройства. Здесь учились девушки из Германии и Швейцарии, Греции и Румынии, Бразилии и Бельгии, Португалии и Испании. Одновременно с Е.В. Антиповой в его стенах занимались и другие студентки из России — например, Матильда Берштейн, Алина Хюбш, Фани Косман [Borges 2014, p. 138]. Кроме того, отделения института существовали (или в скором времени возникли) в Каире, Тель-Авиве, Афинах, Барселоне, Нью-Йорке и других городах по всему миру. Благодаря этому Елена Антипова получила в Женеве не только самое современное для начала XX в. психолого-педагогическое образование, но и сразу обрела значительные связи и интегрировалась в международную профессиональную среду. В то же время в этой конфигурации она стала еще одним соединяющим звеном между российской и европейской наукой [Leopoldoff 2014, p. 193].

До революций 1917 г. небольшое, но высококвалифицированное российское психологическое сообщество было теснейшим образом связано с европейскими и американскими коллегами и внимательно следило за основными трендами раз-

вития психологических дисциплин. Поиски новых методов экспериментальной работы в области детской психологии и оптимальной модели исследовательского психологического института, аналогичные или близкие женеvским, шли и в России [Акименко 2007; Парамонова 2010; Парамонова 2010а]. В Москве профессор Георгий Иванович Челпанов (1862–1936) создал на частные средства первый в России Психологический институт (1912), а в Петербурге в рамках основанного профессором Владимиром Михайловичем Бехтеревым (1857–1927) Психоневрологического института еще в 1907 г. появился Педологический институт, первыми годами своего существования обязанный исключительно частным пожертвованиям. Российские меценаты, как и их европейские визави, вкладывали средства в самую передовую науку, поддерживая именно те направления, которые мы сегодня назвали бы «инновационными». Важно, однако, что капиталы «новых русских» направлялись не только на стимулирование прикладных научных исследований, но и в сферу экологии человека, на переустройство всей среды его обитания. Наиболее дальновидные российские предприниматели, понимавшие бессмысленность технологической революции вне «нового человека», щедро вкладывали деньги в науку, образование, медицину. Так, сибирский благотворитель В.Т. Зимин поддержал идею создания новых методик воспитания ребенка с ранних лет и в 1907 г. пожертвовал бехтеревскому институту капитал на постройку здания интерната с психологической лабораторией и создание фонда в память К.Д. Ушинского.

Параллельно бехтеревскому педологическому проекту экспериментальной разработкой психологических проблем детства активно занимался уже упомянутый А.П. Нечаев (см.: [Аншакова 2002; Кадневский 2005; Макаренкова 2010; Романов 1996; Guski-Leinwand 2011]). В 1901 г. именно он при поддержке выдающегося военного педагога, генерала от инфантерии Аполлона Николаевича Макарова (1840–1917) организовал первую в России лабораторию экспериментальной педагогической психологии при Педагогическом музее Главного управления военно-учебных заведений. То, что лаборатория возникла в рамках военного ведомства, произошло неслучайно: многие годы оно энергично занималось всесторонней подготовкой воспитанников кадетских корпусов и внимательно следило за новыми образовательными подходами и методиками. Даже возглавлявший Главное управление великий князь Константин Константинович (1858–1915) постоянно посещал конференции созданных Нечаевым педагогических курсов для воспитателей кадетских корпусов при Педагогическом музее.

С именем А.П. Нечаева связаны буквально все институциональные инициативы в области педологии в дореволюционной России — он организовывал выставки, конференции, съезды, курсы, общества, издавал и редактировал множество периодических изданий. Одним из первых в России Нечаев проводил психолого-педагогические исследования с применением тестов и способствовал их популяризации в обществе. Апеллируя к европейскому — и прежде всего швейцарскому — опыту мемориализации памяти о великих педагогах, он предложил открыть сбор пожертвований на сооружение памятника К.Д. Ушинскому и сумел добиться аудиенции у премьер-министра П.А. Столыпина для реализации этого плана.

Несмотря на кипучую деятельность, Александр Петрович чувствовал себя, по его собственным словам, «одиноким пловцом в море русской науки» [Романов 1996, с. 18]. Когда в 1901 г. Нечаев опубликовал монографию «Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения», она была встречена российскими коллегами весьма прохладно. Напротив, зарубежные психологи с одобрением отнеслись к новаторским идеям А.П. Нечаева о внедрении эксперимента в педагогическую психологию. Внеуниверситетский, а значит, и некорпоративный, мало признаваемый российским научным сообществом того времени исследователь, он с горечью констатировал, что «единственным средством выйти из этого одиночества было общение с моими заграничными единомышленниками» [Там же, с. 18]. Еще в 1898 г. Нечаев стажировался в ведущих психологических лабораториях Европы — В. Вундта в Лейпциге, А. Бине в Париже и др. Его имя постоянно звучало на международных научных площадках, в том числе как члена многих зарубежных научных обществ. Когда в 1909 г. А.П. Нечаев основал Общество экспериментальной педагогики в Петербурге, приглашение стать его почетными членами приняли все мировые лидеры психолого-педагогической науки того времени: А. Бине, Э. Клапаред, Э. Мейман (Германия), С. Холл (США) и др. В свою очередь в 1912 г. после открытия в Женеве Института Руссо Нечаев был назван первым и бесспорным кандидатом от России на место члена его Международного попечительского комитета⁵.

Из этого небольшого обзора ясно, что А.П. Нечаев являлся важным связующим звеном между зарубежными, в том числе швейцарскими, и российскими учеными-педологами и психологами. Возможно поэтому в зарубежной литературе считается, что именно он дал рекомендательное письмо Е.В. Антиповой к европейским коллегам при ее отъезде из СССР в 1924 г. [Campos 2012, p. 161], хотя сохранившиеся архивные документы пока этого не подтверждают. Между тем более чем вероятно, что личное знакомство Нечаева с Антиповой произошло именно в Женеве в Институте Руссо, и, как следствие, первая известная печатная работа Елены Владимировны, еще студентки, опубликованная в одном из женевских педагогических журналов в 1913 г., рассказывала о педологических работах А.П. Нечаева [Antipoff 1913; Leopoldoff 2014].

Однако можно предположить, что они были знакомы еще раньше, по Петербургу. Лаборатория экспериментальной педагогической психологии А.П. Нечаева относилась к тому же ведомству, что и Владимирское военное училище, начальником которого был отец Е.В. Антиповой, полковник Владимир Васильевич Антипов (1862–1927) (см.: [Образование для всех 2014, с. 86–97]). Лаборатория и училище располагались неподалеку, а чины Главного управления военно-учебных заведений нередко жили в соседних домах и регулярно встречались на общих мероприятиях. Так или иначе, но в своих публикациях Е.В. Антипова постоянно ссылалась на педологические труды А.П. Нечаева и разработанные им тесты, а в ее бразильской библиотеке среди немногочисленных экземпляров русскоязычной литературы, перевезенных через границы и океаны, хранится и упомянутая мо-

⁵ Архив Института Руссо. Женевы, Швейцария. FG. A. 4/1. Женевы, Швейцария.

нография А.П. Нечаева 1901 г. с дарственной надписью: «Многоуважаемой Елене Владимировне Антиповой на добрую память от автора».

Жизнь и профессиональная карьера Александра Петровича в СССР сложились так же трагично, как и судьба педологии в целом, — с приходом новых «советских кадров» он неумолимо вытеснялся со всех институциональных позиций. В 1935 г. Нечаев был арестован по доносу коллег и осужден на пять лет ссылки в казахстанский город Семипалатинск. Нельзя не согласиться с А.А. Романовым, что ссылка на далекую периферию спасла профессору жизнь [Романов 1996, с. 11], но репрессии на многие десятилетия вычеркнули имя Нечаева из коллективной памяти отечественного психологического сообщества. Забвение оказалось столь прочным, что даже в пионерской для своего времени книге А.М. Эткинда «Эрос невозможного: История психоанализа в России» (М., 1994), где немало страниц посвящено истории педологии в России, А.П. Нечаев даже не упоминается! Вероятно, если бы Елена Антипова осталась в СССР, то и ее могла бы постигнуть участь Александра Петровича. Духовные идеалы, ценности общественного служения и свободной профессиональной работы, которыми жила значительная часть дореволюционной русской интеллигенции и которые воспроизводились ею во многих гимназиях и университетах, оказались мало востребованы в новом государстве.

ОДНОКЛАССНИЦЫ: «ГДЕ МЫ И С КЕМ МЫ»

Частная женская гимназия Л.С. Таганцевой, которую окончила Нелли Антипова, пользовалась репутацией одной из самых либеральных по духу и лучших по уровню образования гимназий Петербурга начала XX в. Она располагалась в центре города — на Моховой, 27, на четвертом этаже здания, в котором жила большая семья Таганцевых. Их предок — выкупившийся на свободу крепостной крестьянин, он переселился в Москву из Пензы, вступил в купеческую гильдию и обосновался на Таганке, откуда и пошла фамилия династии [Сомов 2005]. Самым известным представителем рода был брат Л.С. Таганцевой, правовед, сенатор и член Государственного совета Николай Степанович Таганцев (1843–1923), который и стал попечителем гимназии, открытой в 1883 г.

Ее учредительница и начальница — Любовь Степановна Таганцева — также была незаурядной личностью. Свободолюбивая и независимая, она сама отбирала педагогов гимназии и учебные программы, делая акцент на гуманитарных предметах, русской литературе и истории. В течение многих лет Педагогический совет гимназии возглавлял известный историк-медиевист, профессор Петербургского университета Иван Михайлович Гревс (1860–1941), здесь преподавали академик А.С. Лаппо-Данилевский, историки Я.Л. Барсков и О.А. Добиаш и другие представители российской академической элиты. Под их влиянием многие выпускницы гимназии избрали своим поприщем гуманитарные дисциплины и литературу, среди них — Лидия Корнеевна Чуковская (1907–1996), Мария Сергеевна Платонова (1897–1942), Раиса Ноевна Блох (1899–1943), Лидия Алексеевна Алексеева (1909–1989) и др.

*Любовь Степановна Таганцева.
Публикуется впервые.
ЦГАЛИ СПб. Ф. 99. Оп. 1. Д. 90. Л. 2.*

Таганцевская гимназия, обучение в которой было весьма дорогостоящим, отличалась не только высоким уровнем преподавания и гуманитарным уклоном, но и составом родителей и учениц. В поисках хорошего образования сюда отдавали своих дочерей многие высокопоставленные гражданские чиновники и военные имперской столицы, в то же время здесь было много девочек из семей «новых русских» — успешных предпринимателей и интеллигенции, в том числе еврейского происхождения, и даже учившихся на стипендии дочерей рабочих. Этот удивительный на первый взгляд социальный симбиоз отражал и менявшийся состав новой петербургской городской элиты, и вызовы времени, и личную позицию начальницы гимназии. Но объективно он стимулировал атмосферу разнообразия и толерантности, которые в сочетании с утверждением образования и

знаний как абсолютных ценностей были приоритетами учебного заведения.

По свидетельству многих мемуаристок, в Таганцевской гимназии царил атмосфера дисциплины и дух критики. И.Э. Еленевская рассказывает, что ученицы «чувствовали себя слушательницами высших курсов. Этому способствовало и то, что появились новые предметы, как психология, начало юридических наук, латынь и высшая математика» [Еленевская 1967]. Уже с 6-го класса читались лекции, а не велись уроки, и учителя здоровались с ученицами за руку. Л.С. Таганцева очень поощряла личный контакт между преподавателями и воспитанницами, и каждое Рождество в гимназии устраивалась елка «с программой»: ставились сценки из классиков, ученицы декламировали, играли на рояле — всё готовилось при участии педагогов. Особое внимание начальница уделяла старшим гимназисткам, с которыми «Любовь Степановна часто беседовала об их будущем, спрашивала, собираются ли они остаться в восьмом классе, который был не обязательным и поставлен на университетскую ногу с лекционной системой, сдачей зачетов по четвертям, и в котором преподавались начатки юридических наук, высшей математики, латыни и т. д.» [Там же]. Гимназия как общий и любимый дом — такой она осталась в памяти многих учениц, и заслуга в этом, конечно, принадлежала прежде всего Л.С. Таганцевой. Е.Д. Воейкова-Ильина, признавалась: «В моих светлых гимназических днях очень многое связано с ней, с ее трезвым взглядом на жизнь, с ее самоотверженной любовью к своей гимназии и ко всем нам...» [Воейкова-Ильина 2010, с. 34].

Даже в элитной Таганцевской гимназии класс Елены Антиповой занимал особое положение. «Гимназия носилась с нашим классом, как курица с высиженным

ею утенком», — вспоминала одноклассница Антиповой, дочь пролетария, и добавляла: «В нашей среде был самый блеск» [Афанасьева 1924, с. 94]. Она имела в виду небольшую компанию своих подруг — Лиза Таль, Наташа Михневич, Лиза Пиленко, Нина Воленс, Юля Эйгер, «изящная Нелли Антипова». Каждая из них уже в юности проявила себя яркой личностью, но самой заметной в то время, безусловно, была Лиза Пиленко (1891–1945) — вскоре поэтесса Елизавета Кузьмина-Караваева.

Девушкам преподавали незаурядные педагоги. Историей с ними занимался ученик В.О. Ключевского, специалист по русской литературе XVIII в. и масонам, Яков Лазаревич Барсков (1863–1937)⁶. Закон Божий гимназистки изучали под руководством священника Виктора Плотникова (1872–1937), законоучителя Павловского женского института, будущего епископа Кронштадтского Венедикта (1920)⁷. Но даже лучшие учителя не смогли, а может быть, и не желали уберечь своих воспитанниц от происходивших за стенами гимназии общественных волнений и протестов. Выросшие в атмосфере благополучия, любви и достатка, таганцевские девушки стыдились своего привилегированного положения и осенью 1908 г. даже организовали кружок по изучению марксизма. «Мы были поставлены перед необходимостью спешно разобраться в наших детских представлениях о мире и дать себе ответ, — где мы и с кем мы, — писала впоследствии мать Мария. — Впервые в сознание входило понятие о новом герое, имя которому НАРОД» [Мать Мария 2015, с. 73]. Не довольствуясь теорией, некоторые гимназистки «пошли в народ» — проводить уроки для рабочих Путиловского и Франко-русского заводов по арифметике, географии, русскому и немецкому языкам. Мать Лизы Пиленко, Софья Борисовна, вспоминала, что однажды ее дочь объявила, что будет по вечерам давать уроки рабочим на Путиловском заводе. «Я пришла в ужас! <...> всюду аресты и вдруг 15-летняя девочка будет давать уроки рабочим, да еще вечером! Говорю ей: “У тебя у самой много уроков, тебе самой еще учиться нужно, да и в беду попадешь”. Она бросилась меня целовать и говорит смеясь: “Не бойся, мать, и уроки выучу, и ничто со мной не случится ...а вечером оттуда меня старики рабочие до трамвая обещали проводить”» (цит. по: [Мать Мария 2004, с. 24]).

Позднее историки и журналисты утверждали, что Таганцевский гимназический кружок был частью городской молодежной социал-демократической организации [Заря надежды 1982, с. 171–218]. Конечно, это изрядное преувеличение и до «подпольной организации» кружку было далеко, но в 1990 г. в журнале «Ленинградская панорама» появилась фотография 1909 г. с подписью: «Нелли Антипова — член подпольной организации учащейся молодежи при Петербургском комитете РСДРП (б)» (см.: [Эйгер-Мошковская 1990, № 12, с. 28]). Впрочем, некоторые девушки (Ю. Эйгер, Н. Михневич, А. Афанасьева) действи-

⁶ В частности, он оказал большое влияние на становление профессиональных интересов Г.В. Вернадского (1887–1973), которому также преподавал в гимназии.

⁷ Неоднократно арестовывался в 1920-е гг. С 1936 г. — архиепископ Казанский и Свияжский. В августе 1937-го расстрелян в Ленинграде. Погребен в Левашовской пустыни под Ленинградом.

тельно имели обширные контакты в эсеровской и социал-демократической среде⁸. Полицейские власти предусмотрительно и со всей серьезностью отнеслись к юным оппозиционеркам, и вскоре полковнику Антипову поставили на вид опасное поведение его дочери, указав именно на этот кружок [Афанасьева 1924, с. 102]. Более того, в картотеке наблюдений Особого отдела Департамента полиции сохранилась отдельная карточка: «Антипова Елена Владимировна, дочь генерал-майора»⁹.

Ю. Эйгер также подтвердила небезосновательность полицейского демарша: «Всеми признанная и бесспорная красавица нашего класса, Нелли Антипова, была дочерью генерала¹⁰, начальника Владимирского юнкерского училища. Это явно монархическое окружение не мешало ей сочувствовать революционному движению и иногда активно помогать нам. Над квартирой Антиповых находилась квартира инспектора этого военного училища полковника Неслуховского, вся семья которого участвовала в революционном движении. Однажды обе девушки-подружки — Лиза Таль и Нелли Антипова — сидели в генеральской квартире и готовились к экзаменам, когда вошел денщик и сообщил им по секрету, что наверху у Неслуховских идет обыск и что обе барышни¹¹ увезены в тюрьму. Лиза и Нелли тут же схватили свои сумки, чтобы придать себе вид школьниц, идущих в гимназию, вышли из оцепленного полицией дома и пошли предупредить об аресте других членов организации. Это было в апреле 1910 года» [Эйгер-Мошкова 1990, № 12, с. 26]. Заметим, что квартира К.Ф. Неслуховского давно была у полиции под подозрением — еще осенью 1906 г. лидер большевиков В.И. Ленин провел здесь несколько конспиративных встреч, там же неоднократно собирались совещания членов ЦК РСДРП (б).

В отличие от некоторых подруг Нелли Антипова непосредственного участия в молодежном революционном движении не принимала и после окончания гимназии собиралась поступать в Женский медицинский институт в Петербурге, однако полицейский демарш заставил ее мать немедленно увезти дочь за границу, подальше от дурного влияния оппозиционно настроенных знакомых. Как не вспомнить, что вскоре в картотеке Департамента полиции появилась и другая карточка: «Таль Елизавета Львовна. Слушательница Высших женских курсов. Дочь присяжного поверенного»¹². Полицейский отчет зафиксировал, что 30 ноября 1910 г. она стала одной из «зачинщиц» сходки слушательниц Высших женских (Бестужевских) курсов, отказывавшихся от занятий из-за самоубийства в

⁸ Лиза Таль была приемной дочерью правоведа, приват-доцента кафедры гражданского права Петербургского университета Льва Семеновича Таля (1866/67–1933), известного своими связями в кадетской среде, см.: [Гундарин 2005]. Юлия Эйгер родилась в семье известного врача и еврейского общественного деятеля, одного из учредителей Общества защиты евреев, автора многих научных трудов Якова Борисовича Эйгера (1862–1932).

⁹ ГА РФ. Ф. Р-102 (ОО). Картотека наблюдений.

¹⁰ Генерал-майором В.В. Антипов стал в декабре 1910 г. Мемуаристка несколько предвосхищает события.

¹¹ Сестры Татьяна и Мария Константиновны Неслуховские.

¹² ГА РФ. Ф. Р-102 (ОО). Картотека наблюдений.

тюрьме эсера Егора Созонова, убийцы министра внутренних дел В. К. Плеве. Более того, «слушательница курсов Елизавета Таль ударила по лицу командующего 7-ю ротой столичной полиции штабс-капитана Боровкова, пытавшегося разомкнуть державшихся за руки слушательниц. Таль была задержана, препровождена для удостоверения звания в управление участка и по составлении протокола освобождена»¹³.

Несмотря на явную склонность к бунтарству и активному противлению социальному злу, почти все таганцевские одноклассницы окончили Высшие женские (Бестужевские) курсы. Елизавета Львовна Таль-Тархова (1893–1987) своей профессиональной стезей избрала медицину, в 1920-е гг. она ординатор-хирург клиники госпитальной хирургии II-го МГУ, защитила кандидатскую диссертацию и служила в Боткинской больнице в Москве¹⁴. Юлия Яковлевна Эйгер (в замужестве Мошковская; 1892–1969) окончила историко-филологический факультет Бестужевских курсов, в 1913–1914 гг. занималась в Фрейбургском университете, а после 1917 г. работала в крупнейших научных учреждениях Петрограда и Москвы: Институте Маркса и Энгельса, Институте истории Академии наук СССР, заведовала критико-библиографическим отделом журнала «Историк-марксист» [Далин 1971, с. 338–339]. Нина Васильевна Воленс (1893–1937), дочь известного петербургского педагога, «прямая, кристально чистая, честная и правдивая» [Эйгер-Мошковская 1990, № 12, с. 26], изучала политэкономия на Бестужевских курсах, а потом служила в ряде академических комиссий. В 1928 г. она была арестована по делу известной зарубежной контрреволюционной организации «Христианская Россия» и приговорена к большому для тех лет сроку — десяти годам заключения, которые отбывала в Ярославской тюрьме [Соколов 2011, с. 448]. Продолжала «заниматься контрреволюционной пропагандой», являлась организатором и членом редколлегии издаваемого заключенными нелегального журнала «Чертополох», неоднократно объявляла голодовку. 4 сентября 1937 г. Нина Воленс была расстреляна. Лиза Пиленко (Елизавета Скобцова) эмигрировала — сначала в Королевство сербов, хорватов и словенцев, а затем во Францию. В Париже она стала вольнослушательницей Православного богословского института, приняла монашеский постриг и стала матерью Марией, монахиней в миру и хозяйкой приюта для обездоленных. Участница французского Сопротивления в годы Второй мировой войны, она помогала скрывать от расправы евреев, была арестована по доносу и отправлена в концлагерь Равенсбрюк. По одной из версий, в канун Пасхи, 31 марта 1945 г., мать Мария пошла в газовую камеру вместо одной из женщин. В январе 2004 г. она канонизирована Константинопольским патриархатом как преподобномученица.

Из всей компании гимназических подруг только Лиза Пиленко и Нелли Антипова покинули Россию после прихода к власти большевиков. Тем не менее на протяжении 1920-х гг. некоторым из них удалось еще несколько раз встретиться за границей. Вероятно, свидетельство одной из таких встреч — книжечка пере-

¹³ Там же. IV Делопроизводство (1910). Т. 4. № 30442. Л. 150 об. — 151 об.

¹⁴ В конце 1926 г. ее отец, Л.С. Таль, эмигрировал во Францию. Профессор Франко-русского института.

сказов житий святых «Жатва духа» Е.Ю. Скобцовой (1927), бережно хранящаяся в бразильской библиотеке Е.В. Антиповой [Масоликова, Сорокина 2015]. Юношеские идеалы «служения народу» и вера в просветительскую миссию интеллигенции, сформированные в гимназические годы и разделявшиеся всеми девушками, у каждой из них нашли свои жизненные преломления. Но общие духовные устремления еще многие годы соединяли подруг в подвижнической и миссионерской сути их деятельности¹⁵. Размышляя о жизненном подвиге матери Марии, писатель Дмитрий Быков заметил, что «человек гигантского общественного темперамента, рожденный участвовать в бурях, она пришла к опыту малых дел, борьбы за каждого живого». Согласимся с писателем, что это, может быть, и есть «самый русский путь» [Быков 2012, с. 92].

СТАРЫЕ СВЯЗИ, НОВЫЕ КАРЬЕРЫ:
«ЭТОТ СЛАВНЫЙ ПОКРОВИТЕЛЬ, ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ КЛАПАРЕД»¹⁶

Еще весной 1924 г. Елена Антипова не знала точно, куда поедет, — в Крым к отцу или в Берлин к высланному мужу-писателю. Она мечтала о воссоединении своей большой семьи, безжалостно разорванной войнами и революциями, но уже к лету определилась с выбором. Согласно справке, выданной 7 июля 1924 г. заведующим Центральным карантинно-распределительным детским пунктом в Ленинграде профессором Л.Г. Оршанским, Антипова направлялась в научную командировку в Германию на два месяца за свой счет. В документе отмечалось, что она «...является одним из самых деятельных работников по обследованию и распределению детей. В последнее время особенно много занимается вопросом о переростках как особенно важным в жизни наших учреждений, а также вопросами коллективного эксперимента». Отдельный интерес в этой справке представляет определение цели командировки, с большой вероятностью сформулированное самой Антиповой. «Цель поездки, — говорилось в ней, — углубление изучения современных методов детской и юношеской характерологии, психотехнического определения профессиональной пригодности для целей правильного распределения детей по учреждениям и методов определения нормальной и дефективной одаренности. Научная разработка и практическое приложение этих новых данных в настоящее время всего лучше представлены в психологической лаборатории профессора Штерна в Гамбурге»¹⁷. В конце справки указывалось, что

¹⁵ Примечательно, что в популярной книге «100 великих русских эмигрантов» их биографии помещены на соседних страницах [Бондаренко, Честнова 2012, с. 247–252].

¹⁶ Цит. по: [Масоликова 2010, с. 384].

¹⁷ Немецкий психолог Вильгельм Штерн (1871–1938) был одним из первых психологов, поставивших в центр своих исследовательских интересов анализ развития личности ребенка. С 1916 г. заведующий психологической лабораторией в Гамбургском университете и редактор «Журнала по педагогической психологии». Один из инициаторов создания Гамбургского психологического института (1919). С 1934 г. жил в США. В известных нам документах нет даже намеков на знакомство Е.В. Антиповой с профессором. Зато его хорошо знал А.П. Нечаев. Скорее всего, имя Штерна было выбрано в качестве предлога для командировки.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Prolétaires de tous les pays, unissez-vous!

**РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА** **REPUBLIQUE SOCIALISTE
FEDERATIVE DES SOVIETS DE RUSSIE**

ЗАГРАНИЧНЫЙ ПАСПОРТ **PASSEPORT POUR L'ETRANGER**

Пред'явитель *лица* сего, граждан *на*
Российской Социалистической Федеративной
Советской Республики *Антипова*
Елена Владимировна
с *супругом* *Даниилом*
Ивановичем 5-лет
отправляется в *Германию*

Le porteur *de* la présente, citoyen *ne*
de la République Socialiste Fédérative des Soviets
de Russie *Antipoff*
Elena avec son
époux *Daniel*
Ivanovitch 5 ans
se rend en *Allemagne*

в удостоверение чего и для свободного проезда
дан сей паспорт с приложением печати Народ-
ного Комиссариата по Внутренним Делам.

en foi de quoi et pour le libre passage le présent
passeport est délivré avec apposition du sceau du
Commissariat du Peuple aux Affaires Intérieures.

Настоящий паспорт действителен на *200*
по *25 Октября* 192*5* г.,
выдан *25 Октября* 192*4* г.
в гор. *Ленинград*

Le présent passeport est valable pour *en*
jusqu'au *25 Octobre* 192*5*
et délivré *le* *25 Octobre* 192*4*
à *Leningrad*

СВЕДЕНИЯ О ПРЕД'ЯВИТЕЛЕ: **SIGNALEMENT DU PORTEUR:**

Время и место рождения *25 марта*
1892 года *Средне*
Семейное положение *замужем*

Lieu et date de naissance *25 Mars*
1892 *Sredne*
Etat de famille *mariee*

ПРИМЕТЫ: **SIGNES:**

Рост *средне*
Глаза *голубые*
Нос *обыкновенный*
Волосы *светлые*
Особые приметы *нет*

Taille *moyenne*
Yeux *bleus*
Nez *ordinaire*
Cheveux *châtains*
Signes particuliers *pas*

По Уполномочию Народного Комиссариата
по Внутренним Делам *Антипова*

Заведующий Инспекцией Отделением
Губернского Отдела Управления *Туман*

Настоящий паспорт действителен
для пересечения Государственной границы
по *Визам* *№ 3* *1924* г.
через Контрольно-Пограничный Пункт
Ленинград

Взято 22 руб. коп.
Квитанция № 3845

№ *3210*
П. В. *37352*

Заграничный паспорт Е.В. Антиповой. 1924 г. РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 343.

«т<оварищ> Антипова <...> вновь вернется к работе в Пункте», и поэтому последний считает командировку очень полезной¹⁸.

Сегодня трудно поверить, что всего за пару месяцев Е.В. Антиповой удалось получить командировку и спокойно уехать в Германию с сыном. Тем не менее в личном фонде В.Я. Ирецкого сохранился ее советский заграничный паспорт, выданный 25 августа 1924 г. для «свободного проезда» в Германию и действительный в течение года, до 25 августа 1925 г.¹⁹ Документ имел лишь одно ограничение — покинуть СССР надо было в течение месяца после его выдачи, до 25 сентября 1924 г. Согласно пограничному штампу, Елена Антипова пересекла границу именно в этот, самый последний день. Она уехала вполне легально и вряд ли осознавала, что уже никогда не увидит Россию.

Приехав в Берлин, Антипова почти тотчас же, 18 октября 1924 г., отправила письмо профессору Э. Клапареду в Женеву, рассказав о происходившем с ней и ее семьей за прошедшие семь лет, а также — и это было главным — о своих педологических работах в России [Correspondance 2010, р. 4–6]. Интересно, что первое берлинское письмо, недавно опубликованное М. Руша в книге переписки Э. Клапареда и Е.В. Антиповой, звучало весьма оптимистично и скорее ориентировалось на восстановление старых связей, чем на жалобы на судьбу. Антипова сообщила учителю, что, несмотря на политические катаклизмы, российские психологические институты работают вполне удовлетворительно и собрали богатый эмпирический материал, а она сама, сотрудничая с различными лабораториями Петрограда и Вятки, провела обследование более тысячи детей и сирот. В том же письме Елена Владимировна обратила внимание профессора на последние исследования русского психолога Александра Федоровича Лазурского (1874–1917) по классификации личности и ее изучению в естественных для испытуемого условиях. Мэтр сразу ответил талантливой ученице, и уже с ноября между Берлином и Женевой установилась постоянная переписка. Вскоре Е.В. Антипова опубликовала в Швейцарии две статьи, посвященные российским экспериментально-психологическим исследованиям (см.: [Campos 2012, р. 404]).

Однако то, что с помощью профессора Э. Клапареда удавалось сделать в Женеве, совсем не получалось в Берлине. Попытки Е.В. Антиповой устроиться на работу в Психологическом институте в Берлине закончились безрезультатно, семейная жизнь также оказалась далека от идеала. Уже в 1925 г. Елена Владимировна обратилась к учителю за помощью и в 1926 г. уехала с сыном в Женеву, где получила место ассистента профессора Клапареда в университете и сотрудничество с Институтом Руссо. Вслед за «русским путешественником» Н.М. Карамзиным она могла воскликнуть: «И вот я, наконец, в Швейцарии — стране живописной природы, на земле свободы и благоденствия! Кажется, что в здешнем воздухе есть что-то живительное: мое дыхание стало легче и свободнее, моя осанка расправилась, моя голова сама по себе поднимается, и я с гордостью думаю о своей человеческой сущности» (цит. по: [Карамзин 1984, т. 1, с. 165–166]).

¹⁸ Центр истории психологии и документации им. Е.В. Антиповой. Федеральный университет штата Минас Жерайс. Белу-Оризонти, Бразилия. Папка «Correspondencias Russas».

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 343. Л. 1.

Сотрудники Института Ж.-Ж. Руссо. 1928 г.

В первом ряду слева направо: П. Бове, Е.В. Антипова, Э. Клапаред, М. Собрьян.

Опубликовано: Edouard Claparède, Hélène Antipoff. Correspondance (1914–1940) / Ed. by M. Ruchat. Florence, 2010.

В Женеве Е.В. Антипова получила то, чего была лишена в России и в чем так нуждалась, — интенсивное интеллектуальное общение со всеми присущими ему атрибутами: дискуссиями, конференциями, публикациями, проектами и т. п. В это время Институт Руссо являлся созвездием известных и молодых, а в недалеком будущем выдающихся психологов — от Жана Пиаже (Piaget, 1896–1980), Шарля Бодуэна (Baudouin, 1893–1963) до Алис Декедр (Descœudres, 1877–1963), Мины Одемар (Audemars, 1883–1971) и Андре Рэя (Rey, 1906–1965), общение и сотрудничество с которыми помогло русской коллеге быстро восстановить профессиональный тонус. Особенно важным было то, что бывшую студентку хорошо помнили и доверяли. Директор Института Руссо профессор Пьер Бове отметил в своей книге, что мадам Антипова пришлось взять на себя всю огромную работу по постановке экспериментов и координации различных исследований в Женеве, с чем она блестяще справлялась [Bovet 1932, р. 78, 80]. Талант умелого организатора и вдохновителя, который был совершенно не востребован в Петрограде / Ленинграде, ярко обнаружил себя в Женеве и стал прелюдией к работе Е.В. Антиповой в Бразилии. Профессиональное и общественное признание пришло быстро: «В прошлый четверг говорила по радио. Слушавшие в Женеве говорили, что удачно», — писала она мужу 19 сентября 1926 г., всего через полгода после переезда²⁰.

Кроме того, Женеве подарила русской эмигрантке и так необходимое человеческое тепло. Как отмечает М. Руша, дружеские отношения между учителем и

²⁰ РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 23.

*Профессор Э. Клапаред и Е.В. Антипова. 1928 г.
Опубликовано: Campos R.H.F. Helena Antipoff: Psicóloga e educadora – uma biografia
intellectual. Rio da Janeiro, 2012.*

ученицей выходили за рамки исключительно внутрикорпоративного общения и способствовали моральному и интеллектуальному возрождению Антиповой [Correspondance 2010; Ruchat 2007, p. 16]. Профессор считал ее и своей духовной дочерью, и музой, и именно «Антип», а не дочь или сына, видел в качестве своего преемника.

Удачно интегрированная в научную и социальную жизнь интернациональной Женевы, Елена Антипова, тем не менее, не теряла и связи с соотечественниками. Ее ближайшими собеседниками стала семья Барановых, глава которой был одним из любимых учеников профессора Петербургской консерватории скрипача Н.В. Галкина. «Наняла рояль на половину с Барановым, — сообщала Елена Владимировна мужу в июле 1926 г. — Месяц обходится 7 р. 50. Доня <сын> подбирает знакомые мелодии, играет после обеда около получаса гаммы и упражнения. Приучается к роялю. Я играю в свободное время довольно много. Аккомпанирую Баранову, может, в будущем это пригодится — не надо пренебрегать сейчас ничем, а главное, не забывать того, чему хоть немного училась. Музыка — хорошая отдушина в душевные июльские вечера от тоски...»²¹.

Живший в Лозанне Н.А. Рубакин также быстро заметил появление новой русской сотрудницы и в начале 1928 г. отправил Е.В. Антиповой свою книгу по

²¹ Там же. Л. 21–21 об.

Genève 2. Avril 1928 29

Дорогой Папа!

Спасибо за письмо и за интересные
Марки Все мальчики хотят иметь
такие же марки.

В этом месяце было много интересного:
18 марта я был с мамой и Институтом в экскурсии.
Видели старинную бродницу, дольмен,
который называется la pierre aux fees. мы
провели там целый день, кушали и
собирали травы, и фотографировали.
М^r Storaube заигнотизировал овецку
которую потом трудно было разбудить.
В Женеве был салон автомобилей.
Я там был два раза. Я знаю много
автомобильных фирм. Там разговаривали
раньше каталоги и массу красивых жетонов

С Louiseaux (швейц. Пилонери). Я
был в музее, там мы видели обезьян
и слона, потом мы устроили пикник у
нашей Mère-Louise, а потом пошли на
на остров реки Арвы. Я был у Главного
Доктора он мне прописал очки, потому
что я дальноворкий. я их ношу только

Письмо Даниила Антипова отцу, В.Я. Ирецкому, из Женевы. 1928 г.
Публикуется впервые. РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 145.

библиопсихологии²². Вскоре она стала читательницей Рубакинской библиотеки, заказав несколько книг для себя и сына. «С искренним удовольствием, — писал позднее библиограф, — вспоминаем всегда Ваши, к сожалению, такие кратковременные визиты в нашу книжную берлогу» (цит. по: [Масоликова 2015, с. 236]). В архиве Н.А. Рубакина сохранилась и трогательная открытка восьмилетнего Даниила Антипова, написанная простым карандашом и печатными буквами в июне 1927 г.: «Дорогой Николай Александрович. Спасибо Вам большое за вашу любезность и за память обо мне. Мне книжки очень нравятся. Я буду их читать летом, когда у меня будет время. Когда буди в Лозанне я наверное зайду к Вам. Спасибо еще раз. Ваш Данил Ирецкин-Антипофф»²³.

Перспектива потери сыном родного языка стала ведущим стимулом для Е.В. Антиповой в организации маленького русского клуба в Женеве. Когда в ноябре 1927 г. сюда из Праги для чтения лекций в университете приехал известный филолог, лингвист и педагог Сергей Иосифович Карцевский (1884–1955), соредaktor широко известного в эмиграции журнала «Русская школа за рубежом», Елена Владимировна немедленно обратилась к нему с просьбой взять на себя преподавание русского языка, русской географической истории и литературы для многочисленных женевских русских детей и их родителей, желавших сохранить в семье родной язык и культуру. Своему мужу Антипова сообщала: «Здесь он читает в качестве приват-доцента лекции о Толстом. Пока приехал временно, оставив семью свою в Чехии. Видимо, приехал прозондировать почву, так как в Праге грозит дело совсем плохо идти. Правительство чешское с каждым годом всё более и более сокращает свои субсидии русским»²⁴.

И все-таки жизнь в благоустроенной Женеве была далека от идиллической. Письма Е.В. Антиповой тех лет полны горьких признаний. 19 июля 1926 г.: «Собираюсь “с моста в речку сигануть” <...>, конец года — усталость от жизни, неудач от отсутствия собственных сил»²⁵. 20 ноября 1926 г.: «Пишу Вам на открытке, потому что на письмо не хватило денег... Устаю от работы страшно, притащившись домой, отлеживаюсь около часа прежде, чем сделать что-нибудь другое. Похудела и постарела на несколько лет»²⁶. Однако природный оптимизм, востребованность и приязнь коллег спасали и здесь: «Постепенно приспосаблиюсь и привыкаю и поэтому сил трачу как будто последнее время меньше. И всё идет хорошо»²⁷.

Помимо трудностей адаптации Антипову преследовали и проблемы визового режима. Как жена высланного из России она приехала в Женеву с паспортом, выданным в Германии на два года, срок действия которого истекал 17 октября 1927 г. Очень скоро Елена Владимировна оказалась, по собственному выражению, «между небом и землей»: германские власти не хотели продлевать паспорт, т. к.

²² НИОР РГБ. Ф. 358. К. 200. Д. 14. Л. 1–1 об.

²³ Там же. Д. 13. Л. 1. Письмо цитируется с сохранением орфографии и пунктуации подлинника.

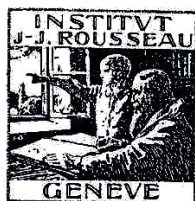
²⁴ РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 33.

²⁵ Там же. Л. 21.

²⁶ Там же. Л. 24 об.

²⁷ Там же.

PREMIER TIRAGE (Juin 1927).

INSTITUT J. J. ROUSSEAU
ÉCOLE DES SCIENCES DE L'ÉDUCATION

SUBVENTIONNÉ PAR L'ÉTAT ET LA VILLE DE GENÈVE

GENÈVE, 4, Rue Charles-Bonnet

XVIme ANNÉE

PROGRAMME DU SEMESTRE D'HIVER¹

22 octobre 1927 — 22 mars 1928

COURS ET CONFÉRENCES

Курсовые работы / assignments, the re-
sults of the course will be announced in the
journal, the results of the course will be
announced in the journal.

Université, salle 80

* **Psychologie expérimentale.** (M. Ed. Claparède).
— Cours 2 h. par semaine, lundi et mardi à 11 h. —
La vie affective ; sentiments, volonté.

Laboratoire de Psychologie

* **Psychologie générale.** (M. Claparède). — Conférence,
1 h. par semaine, le vendredi à 14 h.

Laboratoire de Psychologie

La pensée de l'enfant. (M. Jean Piaget, prof. à l'Uni-
versité de Neuchâtel). — Cours, 1 h. tous les quinze jours,
le samedi à 11 h.

Laboratoire de Psychologie

Répertoire de pédagogie et psychologie, tous les
quinze jours, le samedi à 11 h. (Obligatoire pour tous
les élèves réguliers).

Laboratoire de Psychologie

Monographies d'enfants. (Mme Antipoff). — Jeudi
à 9 h.

Institut

Anatomie et Physiologie. (Dr Weber-Bauler). —
Lundi de 9 à 11 h.

Institut

Eléments de psychologie. (M. Richard Meili, D^r phil.)
— Cours, 1 h. par semaine, vendredi à 15 h.

Institut

Psychologie ouvrière. (Mlle Butts). — Lundi à 10 h.
(à partir de janvier). — Cours 1 h. par semaine.

¹ Les cours de l'École normale internationale d'éducation physique, avec laquelle l'Institut J. J. Rousseau sera en étroite collaboration, seront annoncés ultérieurement.

его обладательница *de facto* жила в Швейцарии, а швейцарские отказывали в выдаче международного паспорта беженца («нансеновского» — чтобы не нажать себе лишнего эмигранта). Для спасения ученицы от принудительной высылки профессор Клапаред неоднократно ходатайствовал у немецкого консула и в правительственных кругах Берна о продлении ее паспорта и визы. Но, несмотря на высокое покровительство, никто не мог поручиться, чем закончится эта история и не придется ли Антиповой покинуть Швейцарию.

Как многие эмигранты, Елена Владимировна искала любую определенность и ради постоянной профессиональной работы была готова отправиться едва ли не куда угодно. «Просила Клапареда дать мне командировку на будущий год в Египет в новый институт, который он основывает теперь там», — сообщила она мужу²⁸. Рассматривала Антипова и испанский вариант работы, и американский. Причем последний казался вполне приемлемым, т. к. оттуда она могла вернуться в Швейцарию: «Обещали меня подождать и принять во всякое время»²⁹. Немногие русские ученые-эмигранты могли похвалиться такой надежностью своих европейских тылов!

Перспектива странствовать и свободно передвигаться казалась заманчивой, «ибо ничто так не близко моей натуре, — писала Елена Владимировна, — как чувствовать себя свободной в пространстве и не знать межстранных границ» (цит. по: [Масоликова 2010, с. 370]). И когда в 1928 г. в Женеву приехал доктор Альберто Алвареш из Бразилии, подбиравший научный персонал для проведения реформы национальной образовательной системы, рекомендация профессора Э. Клапареда и собственная готовность Е.В. Антиповой отправиться через океан быстро решили дело — в 1929 г. она покинула Швейцарию.

Стоит отметить, что Бразилия и бразильская система психологического образования были хорошо известны в Институте Руссо. В 1928 и 1929 гг. в Белу-Оризонти уже работали Л.Г. Вальтер и Т. Симон. Сам профессор Э. Клапаред приезжал в Бразилию в середине сентября 1930 г. «К несчастью, — сообщила Антипова мужу, — попал во время революции. Застрял здесь, в *Bello Horizonte*, на целый месяц больше того, что предполагал; чувствовал себя здесь неважно, так как впервые пришлось испытать революционный режим. К счастью, ничего непоправимого с ним не случилось (чуть-чуть пуля его задела), и он благополучно вернулся в Женеву» (цит. по: [Там же, с. 376]). Действительно, для привыкших за четыре века к мирному спокойствию швейцарцев сложности бразильских реалий могли показаться избыточными. Неудивительно, что из всех сотрудников Института Руссо только пережившая русские революции и гражданскую войну Елена Антипова решила остаться в Бразилии навсегда, передавая местным специалистам знания и методики, полученные в Швейцарии, и расширяя сеть интеллектуальных, персональных и институциональных контактов, сформированных вокруг женевского института.

²⁸ Там же. Л. 39 об.

²⁹ Там же. Л. 29.

«БОРЬБЫ ЗА КАЖДОГО ЖИВОГО»

Первая статья Е.В. Антиповой вышла в Женеве и рассказывала о лидере дореволюционной русской педологии А.П. Нечаеве, последняя — ровно через 60 лет, в 1973 г., была издана в Белу-Оризонти и посвящена учителю — женевскому профессору Эдуарду Клапареду. Эта символическая перекличка через десятилетия неслучайна и отражает знаковую роль «учителя» в жизни и научной деятельности Е.В. Антиповой. Если учеба в Швейцарии и сотрудничество с Э. Клапаредом сформировали ее научные взгляды и транснациональные связи, то российский гимназический опыт определил мировоззрение и жизненную позицию. Швейцария подарила Антиповой покровительство и научное признание, Россия — поддержку коллег и горечь эмиграции.

Более четырех десятилетий подвижнической деятельности по спасению и интеграции «исключительных» и «нестандартных» в условиях бразильских военных политических режимов — отдельная многостраничная глава в истории жизни психолога Елены Владимировны Антиповой. Опираясь на духовные традиции российской интеллигенции и собственный опыт, она выстрадала убеждение, что социальный баланс в обществе достигается только тогда, когда оно предоставляет каждому человеку возможность для развития его личностного потенциала. В отличие от своей гимназической подруги Лизы Пиленко (матери Марии), избравшей путь христианского служения Богу и миру, Елена Антипова своим главным инструментом преобразования мира сделала образование и его институты.

В Бразилии Е.В. Антипова стала основателем множества образовательных институтов самого различного уровня — от кафедр психологии в университетах штатов Минас-Жерайс и Рио-да-Жанейро до сети сельских учебных учреждений для детей с особыми потребностями. Личным примером и высокопрофессиональной работой она убедила власть, общество, церковь и благотворительные организации в возможности и необходимости создания образовательных условий для роста и развития всех членов общества, в том числе, — а может быть, и прежде всего — слабых и «отстающих». Приехав реализовывать чисто профессиональный проект, Елена Владимировна Антипова значительно трансформировала его, наполнив внутренней энергией служения обществу и идеалам социальной справедливости, и стала подлинным Учителем для многих поколений бразильцев.

Источники и литература

- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
- Агеева 2003 — *Агеева Л.* Петербург меня победил...: Документальное повествование о жизни Е.Ю. Кузьминой-Караваевой. СПб., 2003.
Акименко 2007 — *Акименко М.А.* Институт им. В.М. Бехтерева: От истоков до современности (1907–2007 гг.). СПб., 2007.

- Андреев 2010 — *Андреев А.Ю.* Ф.С. Лагарп и разработка реформы народного просвещения в России // *Российская история*. 2010. № 6. С. 40–47.
- Аншакова 2002 — *Аншакова В.В.* Вклад А.П. Нечаева в становление и развитие возрастной и педагогической психологии. Астрахань, 2002.
- Афанасьева 1924 — *Афанасьева А.* Воспоминания о прошлом // *Революционное юношество 1905–1917 гг.* Сб. 1. Л., 1924. С. 92–111.
- Бондаренко, Честнова 2012 — 100 великих русских эмигрантов / сост. В.В. Бондаренко, Е.С. Честнова. М., 2012. С. 247–252.
- Быков 2012 — *Быков Д.* Мать Мария // *Дилетант*. 2012. № 5. С. 84–96.
- Воейкова-Ильина 2010 — «Нам не уйти от родины навеки...»: Дневники, письма, воспоминания Е.Д. Воейковой-Ильиной. М., 2010.
- Гундарин 2005 — *Гундарин О.Т.* Лев Семенович Таль: Жизнь и судьба российского правоведа // *Правоведение*. 2005. № 5. С. 218–229.
- Далин 1971 — *Далин В.М.* В.М. Юлия Яковлевна (Эйгер) Мошковская, 1892–1969 // *Французский ежегодник*. 1969. М., 1971. С. 338–339.
- Еленевская 1967 — *Еленевская И.Э.* Воспоминания. Б.м., 1967. по: http://www.sweden4rus.ru/lib/o_shvecii/text/irina_elenevskaja/vospominanija_chast_I.asp.
- Заря надежды 1982 — *Заря надежды: Социал-демократические организации учащейся и рабочей молодежи Петербурга (1905–1909): Очерки; Воспоминания; Документы*. Л., 1982.
- Кадневский 2005 — *Кадневский В.М.* А.П. Нечаев и становление экспериментальной педагогики в России // *Педагогика*. 2005. № 1. С. 71–78.
- Карамзин 1984 — *Карамзин Н.М.* Сочинения: в 2 т. Л., 1984.
- Макаренкова 2010 — *Макаренкова Е.М.* Экспериментальная педагогика России как научный феномен начала XX века. Рязань, 2010.
- Масоликова 2010 — «Энергичные, знающие интеллигенты — для них Бразилия и создана»: Из эпистолярного наследия психолога Елены Владимировны Антиповой / пред., сост., подг. текста и комм. Н.Ю. Масоликовой // *Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына*. 2010. М., 2010. С. 363–384.
- Масоликова 2014 — *Масоликова Н.Ю.* «Бразильянка из Санкт-Петербурга»: психолог Елена Антипова (1892–1974) и ее вятские годы // *Вятская земля в прошлом и настоящем: Сб. мат-лов VII Всерос. науч.-практич. конф. с международным участием (Киров, 20–21 ноября 2013 г.)*. Киров, 2014. С. 235–243.
- Масоликова 2015 — *Масоликова Н.Ю.* Метрополия и диаспора в жизни психолога Елены Антиповой (1892–1974): русские корни бразильской судьбы // *Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры: V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 29–31 марта 2013 г.)*. М., 2015. С. 229–242.
- Масоликова, Сорокина 2010 — *Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря. Пилотный вып. 2: Психологические науки. XIX — первая половина XX в.* / авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М., 2010.
- Масоликова, Сорокина 2013 — *Масоликова Н. Ю., Сорокина М.Ю.* Международный научный коллоквиум «Образование для всех и ученые-эмигранты: Наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892–1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России» // *Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына*. 2012. М., 2013. С. 634–640.
- Масоликова, Сорокина 2015 — *Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю.* Российские ученые-эмигранты в Латинской Америке: эффект Antipoffiana // *Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье*. СПб., 2015. Вып. 19: Наука русского зарубежья. С. 27–35.
- Мать Мария 2004 — *Мать Мария (Скобцова)*. Красота спасающая: Живопись. Графика. Вышивка / авт.-сост. К.И. Кривошеина. СПб., 2004.
- Мать Мария 2015 — *Мать Мария (Скобцова)*. Встречи с Блоком // *Мать Мария (Скобцова; Кузьмина-Караваева Е.Ю.)*. Встречи с Блоком: Воспоминания. Проза. Письма и записные книжки. М., 2015.

- Образование для всех 2014 — Образование для всех и ученые-эмигранты: наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892–1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России / сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М., 2014.
- Парамонова 2010 — *Парамонова А.А.* Научные лаборатории и институты, проводившие психологические изучения ребенка в России в начале XX века // Вестник Екатеринбургского института. 2010. № 1. С. 52–64.
- Парамонова 2010а — *Парамонова А.А.* Открытие детства в России: Развитие научного знания о ребенке в истории отечественной психологии конца XIX — начала XX века. Ижевск, 2010.
- Романов 1996 — *Романов А.А.* А.П. Нечаев: У истоков экспериментальной педагогики. М., 1996.
- Ротенберг, Шабаева 1960 — *Ротенберг В.А., Шабаева М.Ф.* Связь И.Г. Песталоцци с Россией в первой четверти XIX в. // Советская педагогика. 1960. № 8. С. 117–132.
- Русские писатели 1992 — Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 423–424 (авт. К.М. Поливанов, А.В. Чанцев).
- Соколов 2011 — *Соколов М.Н.* Соблазн активизма. Русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30-х гг. XX века и ОГПУ СССР. М., 2011.
- Сомов 2005 — *Сомов Е.* Таганцевы // Нева. 2005. № 6. С. 266–271.
- Сорокина 2010 — Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Пилотный вып. 1: Медицинские науки. XIX — первая половина XX в. / авт.-сост. М.Ю. Сорокина. М., 2010.
- Сорокина 2011 — Российское научное зарубежье: Биобиблиографический справочник / ред.-сост. М.Ю. Сорокина. М., 2011.
- Сорокина 2012 — *Сорокина М.Ю.* Линии судьбы: Однокурсники Владимир Вернадский и Петр Столыпин // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России. М., 2012.
- Ушинский 2002 — *Ушинский К.Д.* Педагогическая поездка по Швейцарии // Он же. Проблемы педагогики. М., 2002. С. 296–415.
- Ушинский 2002а — *Ушинский К.Д.* Отчет о командировке за границу // Там же. С. 416–508.
- Эйгер-Мошковская 1990 — *Эйгер-Мошковская Ю.Я.* Надеждой бились юные сердца // Ленинградская панорама. 1990. № 11. С. 32–35; № 12. С. 26–29.
- Эткинд 1994 — *Эткинд А.М.* Эрос невозможного: История психоанализа в России. М., 1994.
- Antipoff 1913 — *Antipoff H.* Nos amis: M. Alexandre Netchajeff // L'Intermediare des Educateurs. 1913/1914. № 11. P. 9–13.
- Antipoff 1996 — *Antipoff D.* Helena Antipoff: Sua vida, sua obra. Belo Horizonte, 1996.
- Block 2007 — *Block P.* Institutional Utopias, Eugenics, and Intellectual Disability in Brazil // History and Anthropology. 2007. Vol. 18, № 2. P. 177–196.
- Borges 2014 — *Borges Adriana Araújo Pereira* Entre tratar e educar os excepcionais: Helena Antipoff e a psicologia na Sociedade Pestalozzi de Minas Gerais (1932–1942). Tese. Belo Horizonte, Faculdade de Educação da UFMG, 2014.
- Bovet 1932 — *Bovet P.* Vingt ans de vie. L'Institut J.J. Rousseau de 1912 à 1932. Neuchâtel, 1932.
- Bühler et al. 1985 — *Bühler R., Gander-Wolf H., Goehrke C., Rauber U., Tschudin G., Voegeli J.* Schweizer im Zarenreich. Zur Geschichte der Auswanderung nach Russland. Zurich, 1985.
- Campos 2010 — *Campos R.H.F.* Helena Antipoff. Recife, 2010.
- Campos 2012a — *Campos R.H.F.* Helena Antipoff: A Quest for Democracy and Human Rights with the Help of Psychological Science // Pickren W., Dewsbury D., Wertheimer M. (Eds.) Portraits of Pioneers in Developmental Psychology. N. Y., 2012. P. 51–66.
- Campos 2012 — *Campos R.H.F.* Helena Antipoff: Psicóloga e educadora — uma biografia intelectual. Rio da Janeiro, 2012.
- Correspondance 2010 — Edouard Claparède, Hélène Antipoff. Correspondance (1914–1940) / Ed. by M. Ruchat. Florence, 2010.
- Fayet 2014 — *Fayet J.-F.* VOKS: Le laboratoire helvétique. Histoire de la diplomatie culturelle soviétique durant l'entre-deux-guerres. <Genève>, 2014. P. 141, 220.

- Guski-Leinwand 2011 — *Guski-Leinwand S.* Aleksandr Nechayev (1870–1948) and Experimental Educational Psychology // Riha O., Fischer M. (Eds.) Naturwissenschaft als Kommunikationsraum zwischen Deutschland und Russland. Aachen, 2011. P. 261–272.
- Leopoldoff 2014 — *Leopoldoff I.* A Psychology for Pedagogy: Intelligence Testing in USSR in the 1920s // *History of Psychology*. 2014. Vol. 17 (3). P. 187–205.
- Ruchat 2007 — *Ruchat M.* Engagement social et esprit de l'éducation nouvelle (1929–1940): Marguerite Soubeyran, Hélène Antipoff et Edouard Claparède // *Histoire de l'éducation nouvelle. Les études sociales*. 2007. № 145. P. 7–18.
- Tikhonov 2005 — *Tikhonov N.* Das weibliche Gesicht einer «wissenschaftlichen und friedlichen Invasion». Die ausländischen Professorinnen an den Schweizer Universitäten vom Ende des 19. Jahrhunderts bis 1939 // *Jahrbuch für Europäische Geschichte*. 2005. Bd. 6.
- Ziegler, Tikhonov 2005 — *Ziegler E.D., Tikhonov N.* (Eds.) Les femmes dans la mémoire de Genève. Genève, 2005.